

Валентин ЧЕРНЫХ

Взрыв Секс-символа

“ЭС” предлагает вашему вниманию отрывок из нового киноромана Валентина Черных, который выйдет в конце декабря в издательстве “Амфора”. Это истории о современном кино и кинематографистах. Имена персонажей вымышленные, и все совпадения автор просит считать случайными.

Ассистент по актерам

Пухленькая, голубоглазая, с белокурыми кудряшками, со вздернутым носиком, она в пятилетнем возрасте бойко читала стихи, в десять лет пела “Валенки” из репертуара певицы Лидии Руслановой, и родители верили, что она станет артисткой. К семнадцати годам, когда заканчивала школу, вытянулась и уже носила лифчик четвертого размера, до этого размера добирались только сорокалетние и родившие по двое-трое детей.

Может быть, ее взрослое тело и привлекло старого актера, который набирал курс в Институте кинематографии. Он понял, что ошибся, уже в конце первого курса, но она понимала, что нравиться актеру, и, найдя повод, приехала к нему домой, зная, что его жена, актриса, на кино съемках в Ялте. В общезнать ее научили надежным способам предохранения. Так она стала любовницей мастера актерского курса. Он не отчислил ее и после второго курса. Два оставшихся года она протянула; в дипломном спектакле мастер дал ей роль, где нужно было петь, и за неплохое пение ей многое простили и выдали диплом актера кино и театра.

Она показывалась в пяти московских театрах, но ее не взяли нигде. Некоторое время она получала актерскую зарплату в Театре киноактера и озвучивала монгольские и вьетнамские фильмы: у нее был высокий голос, а режиссеры дубляжа считали, что такими голосами должны говорить восточные женщины.

Однажды ее пригласили сниматься в эпизоде у начинающего режиссера. На режиссера-постановщика она не произвела никакого впечатления, но понравилась второму режиссеру, который выполнял всю подготовительную работу за режиссера-постановщика. Второму режиссеру было за сорок. Не высокий, очень требовательный к другим, он был снисходительным, когда у нее не получалось, и даже репетировал с ней отдельно.

Второй (она так и называла его – Второй) пригласил ее к себе домой в двухкомнатную кооперативную квартиру. Квартира ей понравилась. Потому что она снимала комнату в коммунальной квартире и спала на старом диване. У Второго была удобная большая кровать. Она стала жить у Второго, а когда он предложил ей выйти замуж, согласилась. А чего не выйти? Второй снял с нее все заботы. Больше не надо было снимать комнату и постоянно думать о зарплатке. У Второго была хорошая репутация, и его постоянно приглашали на съемки фильмов. Он не пил, был четок, помнил все, что требовалось для съемок, и никогда не конфликтовал с режиссерами-постановщиками. Однажды, решив, что если он второй, то с первыми, даже бездарными и пошлыми, спорить не стоит. И она стала сниматься.

В каждом фильме имелось несколько эпизодов с участием подруг или соседок главной героини или дальних родственниц главного героя. На съемках одного из фильмов у нее возник роман с оператором-постановщиком. Она не знала, что у оператора на каждой картине возникает роман с актрисами на главных ролях, но она почему-то решила, что оператор в нее влюблен и готов уйти от жены. Но оператор от жены не ушел, а Второй не простил ей такой откровенной измены. Они разменяли двухкомнатную квартиру на две однокомнатные. В это время в Ташкенте Режиссер снимал фильм и ему требовался ассистент по актерам в Москве. Так она стала ассистентом Режиссера. Она связывалась с актерами, отправляла их на съемки, находила замены и показала себя исполнительницей и четкой. Режиссер пригласил ее и на другую свою картину. Конечно, она переспала с Режиссером несколько раз, но секс Режиссера привлекал только в промежутках между работой, а когда он не работал, то жил дома, и жена отслеживала каждый час его пребывания вне дома.

Режиссер снимал в основном в Средней

Азии, а сниматься в жару в Ташкенте или Душанбе – удовольствие ниже среднего, да и деньги не такие уж большие. Режиссер снимал фильмы, которые на кинофестивали не посылали, премий за них не давали. Но она всегда находила актеров, в основном из Театра киноактера, еще никому не известных или когда-то давно известных всем, а сейчас пьющих или больных. Но если организовать съемки так, чтобы роль можно было отснять за неделю, то обычно неделю выдерживал и алкоголик, и больной.

Режиссер уже давно был в простое, и она тоже. Конечно, она подрабатывала дубляжом, но приглашали редко. Она уже полгода не платила за квартиру и подсчитывала, во сколько ей обойдутся штрафные санкции жилищно-коммунальной конторы.

В начале года, когда начинаются подготовительные периоды на многих картинах, она надеялась, что если кто-то из ассистентов заболел, то пригласят ее, но никто не заболел, не забеременел, не попал в автокатастрофу. В начале лета начались съемки сразу семи фильмов на “Мосфильме” и пяти на студии имени Горького, но режиссеры были все в возрасте, имели постоянные группы, и пробиться в такую группу было невозможно.

Она и сама держалась за своего Режиссера, который заменял многим одиноким женщинам и мужа, и брата. Когда Режиссер начинал снимать фильм, то собирал свою постоянную команду, и работа начиналась сразу, все знали слабости и сильные стороны каждого.

Но прошли зима, весна и лето, Режиссер не звонил, а когда звонила она, то он говорил, что пишет мемуары. Впереди были осень и зима, и никаких предложений.

Она продала все, что можно было продать в комиссионном магазине. Ее подружка убирала квартиру из новых русских. Подруга и устроила ей уборку одной из квартир. Но во время уборки к хозяйке заехала Секс-символ. Она ушла в дальнюю комнату, потом долго мыла ванную и туалет, только чтобы не встретиться с Секс-символом. Она училась с ней и с Поскребышем на одном курсе, поняла, что конкурировать на экране и на сцене с ними не сможет, но конкурировать в постели – вполне. Она спала с актером, за которого Секс-символ вышла замуж, она спала и со вторым мужем Секс-символа, режиссером, а один из мужей Поскребыша хотел даже уйти к ней, но ушел к другой.

Она встала поздно, выпила кофе и вышла на балкон покурить. Ей вдруг захотелось

плакать. Неужели в тридцать семь лет закончилась жизнь и ничего больше не будет? И вдруг зазвонил телефон. В первой половине дня, когда люди работают, ей звонили редко. Голос Режиссера она узнавала еще до того, как тот произносил первое слово. Он всегда выдерживал паузу, прежде чем сказать это первое слово. Тоже режиссура.

– Приезжай в продюсерскую компанию и возьми сценарий “Деловая женщина” у Толстых.

Хорошему ассистенту не надо объяснять, где находится компания и кто такой Толстых. И совсем не потому, что она училась в институте в те же годы, что и этот толстый тогда мальчик. Она знала всех актеров, которые учились за двадцать лет до нее и через двадцать лет после нее. Конечно, не двадцать, но скоро будет и двадцать.

Она встала под душ. Ванную комнату вместо плитки она облицевала зеркалами.

Со всех сторон на нее смотрела молодая женщина с крепкой и совсем не жирной попкой, округлым животиком, который еще возбуждал мужчин. Конечно, не помешало бы подтянуть грудь и убрать намекающую складку под подбородком.

Будет работа, будут деньги, – сделаю подтяжку, подумала она.

Из душа она вышла молодой и стремительной. Достала легкие шелковые трусики, которые не просматривались под платьем, надела чулки, туфли – она надевала их только раз прошлой осенью, и они смотрелись как новые.

Кожаная сумка-портфель, слегка поношенная, как и положено быть дорогим кожаным сумкам, часы, к сожалению, советские, стандартные. В сумку побросала сигареты, зажигалку, записную электронную книжку, флакончик пробных духов, гигиенические салфетки, пачку из двух презервативов. Начиналась работа, и надо было быть готовой к неожиданностям, иногда даже приятным.

Она прошла до метро. И экономия денег, и надо как можно больше двигаться. И когда женщина идет одна, не очень торопясь, готовая с улыбкой ответить на вопрос о времени, об адресе ближайшего универсама или подтвердить, что сегодня хорошая погода, может возникнуть неожиданное знакомство. Этот ее маршрут был счастливым. На нем она трижды знакомилась с мужчинами. Нет, знакомилась она с десятком, не меньше, но остались трое, вернее, остался один почти на два года, от одного осталась замечательная поездка на Канарские острова, от другого – старые “Жигули”. Он выписал на нее доверенность на три года. Через три года она пыталась найти его, чтобы продлить доверенность, но не нашла. Еще два года она ездила по просроченной доверенности, а потом продала машину за триста долларов на запасные части в автомастерскую во дворе своего дома.

Она шла по аллее. На скамейках сидели пенсионеры, молодые матери с детьми в колясках, вышедшие уже на вторую за этот день прогулку.

Продюсерская компания располагалась в старом здании бывшей фабрики. Большой цех стал центральным офисом для все увеличивающегося вещания телевизионного канала.

Пропуск она заказала через секретаршу Продюсера из дома по телефону. Молодые охранники провожали ее взглядами. Она это чувствовала копчиком.

В приемной Продюсера сидела секретарша – курносая, сероглазая, с пепельной косой, с очень большой, но без силиконовых вставок, грудью.

Настоящая русская красавица. Таких всегда любили еврейские мужчины.

Красавица улыбнулась Ассистентке и сказала:

– Вас просила зайти в актерское агентство Людмила Ивановна.

Поскребыш имела имя и отчество – Людмила Ивановна. Легкое беспокойство сказало на частоте пульса. Зачем? Играть? Она еще в институте поняла, что не станет знаменитой актрисой и вообще знаменитой, и всегда удивлялась, что ее помнили знаменитые теперь актеры и режиссеры, с которыми она, если и не училась на одном курсе, то несколько лет встречалась в коридорах общежития, в студенческой столовой или в плавательном бассейне “Чайка” – студентам давали абонементы на самые ранние утренние часы и самые поздние вечерние.

Секретаршей у владелицы агентства была огромная мосластая девица почти двухметрового роста. Или телохранительница, или лесбиянка? Хотя Поскребыш пользовалась даже большим успехом у мужчин, чем Секс-символ десятилетия.

Поскребыш вышла из-за стола и подошла к ней. Тоненькая, в костюмчике от Кардена.

1141-42(2005) (ген.)

Черных Валентин

19

Она обняла Ассистентку, и они коснулись друг друга щеками, сокурсницы и почти подруги.

— Ты по-прежнему в замечательной форме, — сказала Ассистентка.

— А ты по-прежнему восхитительна в своих формах. Какая грудь! А о такой заднице, как у тебя, можно только мечтать.

— Ты свои мечты осуществила самой первой. И остаешься самой первой по-прежнему.

— Второй, — возразила Поскребыш. — Первая у нас — Секс-символ десятилетия. Кстати, сценарий, который тебе дали, написан специально для нее. Прочтешь, позвони. Мне интересно твое мнение.

— Обязательно, — пообещала Ассистентка.

— Завтра между двенадцатью и часом сюда, в агентство, — уточнила Поскребыш.

Это был уже приказ. Ассистентка настрожилась. Поскребыш мгновенно поняла, что выбрала неверную тональность, и тут же поправились:

— Толстых вкладывает деньги в этот проект, поэтому ему, да и мне тоже, небезразлично, что получится в сухом остатке. Исполнители должны быть экстра-класса. Я готова помочь актерами из своего агентства.

— Поняла, — ответила Ассистентка, хотя на самом деле ничего не понимала. Поскребыш готова помогать Секс-символу? Никогда! И почему так важно ее мнение? Ассистентка ничего не решает, ее мнение всего лишь рекомендательное, а Поскребыш никогда в рекомендациях не нуждается.

Тем временем Поскребыш достала из стола коробочку, обтянутую кожей, и протянула Ассистентке.

— Мой презент, — сказала она. — Передариваю. У меня уже есть такие. Швейцария.

Поскребыш достала часы из коробки и показала. На ее руке, на точно таком же браслете, была копия ее плоских маленьких часов.

Ассистентка отстегнула толстенные часы Пензенского часового завода и надела новые.

— Замечательно смотрятся. На полной руке Ассистентки часы смотрелись сверкающим символом роскоши и богатства.

На протяжении съемок фильма они встречались еще несколько раз, но никогда Ассистентка не видела у Поскребыша точно таких же часов. У нее, конечно, было много часов, и она их никогда не носила подолгу. Ассистентка и подумать не могла, что это особый прием, это как шуба с царского плеча. И тогда, как и сегодня, такими подарками гордились.

Продюсер закунал десятки часов, похожих на дорогие модели престижных часовых фирм. Если часы определенной фирмы пользовались преувеличенным спросом, то появлялись почти копии, но не полностью копии, и они стоили достаточно дешево, чтобы дарить их сотрудникам с надписью от телеканала на крышке. Это был особый шик. Обычно фирмы дарили шариковые ручки и зажигалки со своими символами.

Ассистентка вышла из актерского агентства взволнованной. Ее помнили, ей сделали подарок, от нее чего-то хотели. Она пока не понимала, чего, а если она не понимала, то начинала нервничать. Чтобы успокоиться, она села на скамейку в свекре и закурила. Старика-пенсионеры смотрели на нее с явным осуждением. Одна из старух выждала несколько минут, считая, наверное, неприличным делать замечания сразу, и затем сказала:

— Будешь курить, — сбледнеешь с лица.

— Пошла ты, старая на... — ответила Ассистентка, зная, что когда старух посылаешь, они мгновенно замолкают от удивления и возмущения. Потом, правда, начинают кричать и даже пытаются ударить, а почему, собственно, не ударить женщину, которая позволила себе такие слова?

Ассистентка, чтобы предотвратить крик, встала со скамейки, обозвала старуху "старой идиоткой" и пошла к троллейбусной остановке. Ей была необходима разрядка, и она поехала в Дом кино, прикидывая, хватит ли у нее денег на кофе "капучино" и стакан минеральной воды.

И хотя в Доме кино еще не начинался вечерний показ, ресторан и буфеты на этажах работали, в фойе Белого зала за столиками сидели актеры, вернувшиеся из гастролей и киноэкспедиций. Ее обнял типичный эпизодник — большой, толстый, нелепый. От него несло коньяком. Ей тоже хотелось выпить, и она применила старый испытанный прием. Внимательно осмотрев актера, спросила:

— У тебя телефон не переменялся? У меня сценарий, мы уже в запуске. — И встала в небольшую очередь к буфетной стойке.

— Тебе чего? — спросил актер.

— Я возьму сама.

Журик и Елена

— А я для чего?

Актеру не терпелось узнать, о чем сценарий, на какую роль он может претендовать и кто режиссер. Сам напросился, и Ассистентка продикувала:

— Капучино, коньяк, бутерброд с семгой.

Конечно, она его выставляла. Но в Москве, без командировки, в эпизоде, она всегда делает ему две-три киносмены. Актер это знал и за все заплатил.

— Про что сценарий? — спросил актер.

— Ты можешь сыграть все, — ответила Ассистентка. — Тебе дублер не нужен? Ты машину водишь?

— Обижаешь! Хотя на "Формулу-1".

Ассистентка выпила пятьдесят грамм коньяка, подождала, пока рука плавно двинулась к сумочке. Достала сигарету, закурила. Теперь она была готова обещать все и всем. И вспомнила главный принцип ассистентов: "Рекомендовать, но не настаивать".

Режиссер

Когда несколько лет живешь, считая деньги, то от счета устаешь. Вначале радуешься: удачно купил, экономия в несколько рублей. И привыкаешь считать все и везде. И даже хлеб покупаешь не рядом с домом, а в киоске возле хлебозавода, — всегда свежий, а свежий хлеб хранится дольше, и от него практически не бывает отходов, как у соседей, которые кормили на даче кур черствым хлебом.

Но всегда наступал момент, когда экономия становилась тягостной. Нестерпимо хотелось хорошего коньяку, хороших сигарет, хорошей еды.

Сегодня все это он мог себе позволить. Он получил аванс в продюсерской компании и решил пообедать в Доме кино, получая удовольствие уже от мысли, что через сорок минут выпьет холодной водки, закусит селедочкой и грибочками и съест большой кусок жареного мяса — "филе по-суворовски".

Вряд ли маленький ростом, но великий полководец ел такие большие куски мяса, скорее всего, такой большой кусок мяса какой-то повар назвал "филе по-суворовски", и название закрепилось в ресторанной еде.

Перед выездом из дома он позвонил Ассистентке по актерам и, уловив в ее голосе некую озабоченность, спросил:

— Есть проблемы?

— Есть. Скорее, непонятность.

— Можешь приехать сейчас в ресторан Дома кино?

— Прилечу на крыльях.

Непонятности и неопределенности Режиссер снимал сразу. К тому же завтра он собирался говорить с Ассистенткой об актерам, но почему бы не поговорить и сегодня.

Продюсер просил передать в компанию список актеров на роли. В службе маркетинга уже прочитали сценарий и тоже ждали этот список, чтобы отправить на экспертизу. Эксперты дадут заключение, на какую зрительскую аудиторию можно рассчитывать при показе в кинотеатрах, ориентировочно, сколько приблизительно зрителей посмотрят фильм с таким сюжетом и с какими актерами. Эксперты давно выявили закономерности, о которых не думали ни сценаристы, ни режиссеры. Десять доли процента давали дети, если они присутствовали в фильме. Собаки давали сотые доли процента. В сценарии должны быть расставлены десятки приманок, которые вызвали бы интерес зрителя.

В этом сценарии явной приманкой была Секс-символ десятилетия. Фильмы, где она обнажалась, знали и наверняка будут ждать, что она снова разделенется. Надо настаивать, чтобы все-таки разделась, тогда зрители уйдут из кинотеатра с ощущением, что их не обманули.

А справится ли Секс-символ с главной ролью? Режиссер завидовал другим режиссерам, снимавшим актеров провинциальных театров, делая из них кинозвезд. Но чтобы снять никому не известного провинциала, надо его любить, а для пробования надо быть абсолютно уверенным, что эту роль сыграет только этот и никакой другой актер.

Режиссер никогда не был уверен в своей абсолютной правоте, поэтому предпочитал снимать актеров, проверенных на других фильмах. У него соглашались сниматься будущие звезды, но на его фильмах звездами не становились. Он не мог предложить им интересных ролей, потому что, снимая в Ташкенте или Минске, брал сценарии местных авторов.

На первые гонорары с двух первых фильмов Режиссер достроил дачу, но еще предстояло купить "волгу", поменять квартиру с однокомнатной на трехкомнатную. Он и не

заметил, как критики перестали считать его подающим надежды режиссером и перевели в разряд крепких профессионалов, которых надо распинать при неудачах и не замечать при полуудачах.

Иногда критики вспоминали его первый фильм, потому что он начал одновременно с несколькими, теперь уже очень известными режиссерами. О нем вспоминали по той первой картине с фестивальными призами. Он надеялся, что этот фильм он снимет так же, как, когда начинал, — раскованно и современно, поскольку сценарий был почти современным, а Секс-символ — почти молодой женщиной. Конечно, роль этой бизнес-вумен должна играть актриса до тридцати, но почти сорокалетняя Секс-символ выглядела на тридцать или почти на тридцать. Режиссер, конечно, понимал, что молодые женщины, а не почти как молодые, и смотрелись по-другому, и ходили не так. Каждое поколение женщин искало свой стиль, дочери не хотели походить на матерей.

Режиссер понимал, что отказаться от Секс-символа он не может, как отказывались другие режиссеры от навязываемых им актрис, припомнив условия контракта: в главной роли снимается Секс-символ, и если по каким-то причинам продюсерская компания отказывается от ее услуг, то Секс-символ забирает сценарий, потому что она соавтор сценария и автор идеи и сюжета. К тому же она нашла инвестора, он оплатит почти треть стоимости съемок фильма.

Но если Секс-символ уйдет из продюсерской компании со сценарием и деньгами инвестора, то от его режиссерских услуг откажутся тут же и, может быть, даже потребуют вернуть полученный аванс.

И Режиссер перестал думать, что откажется от услуг Секс-символа, и стал перебирать в памяти пятидесятилетних актеров. Лучше, если в Секс-символ влюбится пятидесятилетний. В кино всегда существовало десятка два великодушных пятидесятилетних актеров. Еще Режиссер подумал, что если считать по гамбургскому счету, то и больше двух десятков писателей не насчитаешь, и режиссеров тоже. Он в эту двадцатку не входил.

Секс-символ все рассчитала, договорясь заранее со сценаристом, что влюбленный в нее мужчина будет пятидесятилетним. Для него она молодая и желанная. И пятидесятилетних актеров больше, чем сорокалетних, потому что если актер не приобрел известности к пятидесяти, он эту известность не приобретет никогда.

То, что в новом варианте сценария появится молодой влюбленный, смущало Режиссера. Он пока не понимал, насколько произойдет пережатка сценария и, что из этого получится, но что-то получится и Режиссер позвонил жене, сообщил, что не приедет на дачу и останется ночевать в городе, так как переговоры могут затянуться. Ему хотелось нормальной вольной мужской жизни. Он поужинает с Ассистенткой, ответит ее, переспит с ней и к двенадцати ночи вернется в свою квартиру. Режиссер никогда не водил женщин к себе домой. Снял несколько детективов, он уяснил, что после каждого преступления остаются следы. Он боялся огорчить жену, она верила в его верность, в его все еще не раскрытую гениальность и в его огромные сексуальные возможности.

Режиссеру нравилось заниматься любовью при ярком освещении. Жене — наоборот, только в темноте. Они пошли на взаимные уступки, и уже много лет жена прикрывала ночник газовой косынкой, считая, что создает таким образом романтический полумрак.

Водном из своих фильмов в любовной сцене, несмотря на протесты кинооператора, Режиссер тоже создал полумрак при помощи газовой косынки, но в лаборатории по обработке пленки посчитали этот эпизод техническим браком.

К Дому кино он подъехал еще до часа пик и, паркуясь, отметил, что, кроме его "Волги", на стоянке нет ни одной машины советского производства.

Стояли два "форда", "фольксваген", "октавия", "тойота". Все подержанные, но, поедив на иномарках, кинематографисты предпочитали подержанные иностранные машины новым советским "жигулям" и "волгам". "Сниму этот фильм, и обязательно куплю иномарку", — решил Режиссер.

Дом кино закрывался на лето. Летом кинематографисты разъезжались на съемки, а ресторан работал почти всегда, но в этот час пустовал.

Режиссер увидел знакомого артиста, который потягивал водку из рюмки и закусьвал селедочкой. Артист давно задолжал ему еще советских двадцать пять рублей, поэтому сделал вид, что не заметил Режиссера. Еще в ресторане за столиком на двоих сидела молодая пара.

Режиссер отметил на парне дорогие швей-

царские часы. Он всегда замечал дорогие часы, авторучки, обувь, галстуки. И если вещи были старомодными, но дорогими, это означало, что человек давно жил обеспеченно, это тоже вызывало уважение.

Ассистентка помахала ему, улыбаясь великолепными фарфоровыми зубами. Режиссер от своего приятеля, врача-стоматолога, знал, что у сорокалетних мужчин и женщин не бывает великолепных зубов. Если зубы белые и ровные, значит, фарфор или керамика.

"Сниму фильм и поставлю себе фарфоровые зубы", — решил Режиссер. Но на новые зубы, на подержанную иномарку, на ремонт дачи и шубу для жены гонорара могло не хватить.

Ассистентка выбрала столик за колонной, чтобы каждый входящий в ресторан не наткнулся на них взглядом. Она знала о патологической ревности жены Режиссера, которая когда-то тоже работала в группах, ездила в киноэкспедиции и не могла не знать, что если мужчина работает с женщиной на нескольких картинах, а женщина молода и привлекательна, мужчина переспит с этой женщиной. Но это совсем не значит, что они станут любовниками. Женщина может отказать, и на нее не обидятся. Но в киногруппе существует иерархия, и на самой вершине этой пирамиды стоит режиссер. Он главный среди мужчин и почти всегда выделяет одну фаворитку. Она становится главной женщиной на время киноэкспедиции, но с окончанием киносъемок ее фаворитство заканчивается, и ее уже не приглашают работать или сниматься в следующем фильме.

Ассистентка сохранила отношения с Режиссером, потому что, переспав с ним, не требовала, чтобы он снимал ее в главных ролях, а когда стала ассистенткой, служила ему верно, ждала, когда он начнет снимать, и не уходила работать в другие киногруппы к более известным режиссерам.

О вкусах Ассистентки он помнил, и это ее обрадовало:

— Шашлык? — спрашивал он, и она кивала.

— Коньяк?

— Сыр?

— Лимон?

— Лобio?

— Кофе?

— "Капучино"?

Себе он заказал рюмку водки, грибочки и "филе по-суворовски". Как только официант отошел, они закурили, и он спросил:

— Так какие проблемы?

— Мне кое-что непонятно, — ответила Ассистентка и показала на часы.

— Поскребыш подарила.

Режиссер молчал, осмысливая услышанное. Поскребыш всегда была меркантильной, и когда ее о чем-то просили, задавала встречный вопрос:

— А что с этого будет иметь Маруся?

Себя она называла Марусей, ее так стали звать и другие, пока Секс-символ не назвала ее Поскребышем. И более точное Поскребыш перебило ее Марусю.

— Чего она хочет? — спросил режиссер.

— Не поняла.

— Если главную роль, то сегодня больше решает продюсер, а не режиссер. Ей надо с мужем говорить. Как у них отношения?

— Чтобы у него был роман с кем-то из актрисулеч, я не слышала.

— А как он...

— Как все мужики к сорока годам.

— К сорока я был надежен.

Ассистентка улыбнулась, что можно было расценить как согласие с данным утверждением или — мели, Емеля, твоя неделя. Она-то знала о режиссерской надежности. В понедельник она вышла на работу в киногруппу, а в пятницу он уже переспал с ней. Тогда Режиссеру не исполнилось сорока, а недавно он отметил свой первый юбилей. А счастья нет, и славы нет. И когда называешь фамилию Режиссера, люди начинают задумываться, фильмы сняты им, не вспоминаются.

— Чего хочет Поскребыш, определится в ближайшие дни. Она всегда была нетерпеливой, — сказала Ассистентка.

— Была, — согласился Режиссер, — но все меняется.

— Ничего не меняется, — ответила Ассистентка. Прозрачно намекнув, что она готова его принять. Ей очень не хотелось после сытного обеда ехать домой на метро, а Режиссер никогда не подвозил, если ехал в другую сторону.

— Тогда поехали, — предложил Режиссер.